

Н. С. Цветова*

**«ВГЛЯДЫВАЯСЬ В ЛИЦА»:
В. ШУКШИН В ПОИСКАХ
АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО КОДА РОССИИ****

Статья посвящена 95-летию со дня рождения Василия Макаровича Шукшина. Автор сосредоточен на смысловой структуре и поэтике рассказов прозаика. Актуальность эмпирического материала и предлагаемого аналитического подхода обусловлена разноплановыми обстоятельствами: с одной стороны, соответствием одной из ключевых задач современной гуманитаристики — задаче формирования новой концепции человека, с другой — уникальным художественным статусом рассказов писателя. Цель автора статьи — выявление сущностных и технологических особенностей предложенной Шукшиным персонализации цивилизационного дискурса, получившего в современном коммуникативном пространстве номинацию «русский мир». В статье представлены результаты анализа эволюции трех персонажных рядов, созданных писателем в рассказах: чудиков, крепких мужиков, молодых людей. После антропологической атрибуции ключевых персонажей «малого эпоса» В. М. Шукшина, заполняющих эти ряды, автор приходит к выводу, что созданные писателем в рассказах характеры формировались в условиях ослабления «родовой связи личности с миром» (Г. Белая), деградации механизма передачи родовой памяти (А. Щипков). Отмечается, что Шукшин был одним из немногих художников, увидевших возникший в результате этих процессов антропологический хаос. Во имя преодоления этого хаоса он искал в каждом из трех созданных им персонажных рядов «характеры-притчи», в которых

---

* Цветова Наталья Сергеевна — д-р филол. наук, профессор кафедры медиалингвистики ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургского государственного университета»; Русская христианская гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского, Санкт-Петербург, наб. р. Фонтанки, д. 15, лит. А.; n.tsvetova@spbu.ru

Natalia S. Tsvetova — Doctor of Philology, Professor of St. Petersburg State University; The Russian Christian Academy for the Humanities named after Fyodor Dostoevsky, 15, Fontanka Embankment, Saint Petersburg, 191023, Russian Federation, n.tsvetova@spbu.ru

** Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23–18–00408, <https://rscf.ru/project/23-18-00408/>; Русская христианская гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского.

были предъявлены разные возможности для восстановления целостности человека: идеальные, критические, практические. В результате онтологического по содержанию литературного поиска Шукшин максимально приблизился к созданию объемного, во многом противоречивого образа россиянина по духу, как справедливо отметил Валентин Распутин.

Ключевые слова: рассказ, характер, персонажный ряд, чудик, крепкий мужик, молодые люди.

N. S. Tsvetova

*“LOOKING INTO FACES”: V. SHUKSHIN IN SEARCH
OF THE ANTHROPOLOGICAL CODE OF RUSSIA*

The article is dedicated to the 95th anniversary of Vasily Makarovich Shukshin. The author focuses on the semantic structure and poetics of the prose writer's stories. The relevance of the empirical material and the proposed analytical approach is due to diverse circumstances: on the one hand, the correspondence of one of the key tasks of modern humanities — the task of forming a new concept of man, on the other — the unique artistic status of the writer's stories. The purpose of the article is to identify the essential and technological features of the personalization of civilizational discourse proposed by Shukshin, which has received the “Russian world” nomination in the modern communicative space. The article presents the results of an analysis of the evolution of three character series created by the writer in the stories: freaks, strong men, and young people. After the anthropological attribution of the key characters of the “little epic” V. M. Shukshin. The author comes to the conclusion that the characters created by the writer in the stories were formed in conditions of weakening of the “ancestral connection of the individual with the world” (G. Belaya), degradation of the mechanism of transmission of ancestral memory (A. Shchipkov). It is noted that Shukshin was one of the few artists who saw the anthropological chaos that arose as a result of these processes. In order to overcome this chaos, he looked for “parable characters” in each of the three character series he created, which presented different possibilities for restoring human integrity: ideal, critical, and practical. As a result of his ontological literary search, Shukshin came as close as possible to creating a voluminous, largely contradictory image of a Russian in spirit, as Valentin Rasputin rightly noted.

Keywords: story, character, character series, weirdo, strong man, young people.

Современный интерес к русскому литературному традиционализму в значительной степени продиктован официально заявленной установкой на формирование «неведомой пока нам новой концепции человека» [26, с. 59], в основе которой идеи создателей философской антропологии, до сих пор инерционно соотносимой многими исследователями с экзистенциализмом [16, с. 316–317]. Реализация этой установки невозможна без учета литературных опытов создателей «деревенской прозы», в ряду которых особое место принадлежит В. М. Шукшину (1929–1974) (см. об этом: [4]). Актуальность литературного наследия Шукшина в течение десятилетий проявлялась в неизменном и предельно разнообразном присутствии художника в научном дискурсе, в постоянном, хотя и спорном усилении его позиций в публичном коммуникативном пространстве. Сегодня происходит театральный шукшинский бум на основе уже совершившегося признания особого статуса его рассказов. Теперь мало кто сомневается в том, что последовательно, настойчиво, скрупулезно Шукшин в «простых, таких обычных» судьбах находил «что-то непростое, что-то большое, значительное» [3, с. 42], проявлявшееся

в исторических и фольклорных аналогиях, в эпических смыслах, которые транслировались с использованием значительного диапазона художественных средств. Интересно, что идея Г. А. Белой в отношении к малой прозе Шукшина сегодня восстанавливается массовой рецептивной критикой — в многочисленных отзывах читателей, публикующихся в сетевых ресурсах. Ценность этих публикаций в том, что они фиксируют читательские интересы, отражают запросы нового столетия, которым проза Шукшина, как оказывается, соответствует. Приведем один пример. Пять лет назад в Санкт-Петербургском университете, в рамках Международного культурного форума состоялся круглый стол, посвященный 90-летию художника [25]. После круглого стола на сайте Высшей школы журналистики и массовой коммуникации СПбГУ были опубликованы студенческие эссе, в текстах которых фиксировалось одно важное, на наш взгляд, обстоятельство. Вот несколько фрагментов этой публикации.

«Для меня всегда было загадкой, как человек моего поколения может искренне заинтересоваться литературой, изображающей советский быт, советский мир. Одинаковые модели мышления и поведения, одинаковые жизни, комично одинаковые квартиры под одинаковыми адресами. Тоска подбирается уже после поверхностного ознакомления с “той” жизнью, закончившейся задолго до моего рождения. Но вдруг советский человек, как мне раньше казалось, убитый идеологией, взращенный в непроницаемой “железной” капсуле, оказывается интересным — его для меня раскрывает Шукшин... Он показывает, что в “чудиках” и “степках” добродетелей больше, чем во всех нас... Он показал, что все мы, люди, независимо от времени и места, похожи, но при этом безумно разные, а жизнь наша невероятно интересна и многогранна. Так есть сейчас, так будет всегда (Гаврилюк Анна).

Шукшин не соответствует настоящему времени, не соответствует современным требованиям. Шукшин не актуален, но он необходим. Читатель не узнает себя в его герое и это хорошо, но этот герой нужен читателю, потому что сегодня нам многому надо учиться заново... Даже шукшинской грусти... Его герои больше нас видят, слышат, как это ни парадоксально, больше знают, хотя, конечно же, их знания отличаются от наших (Пахомова Татьяна).

Шукшин доказал мне: человеку нужен человек! (Короткая Дарья).

Честный, человеческий, настоящий Шукшин писал об обыденной жизни, в которой находил красоту... Он верил в русского человека! (Хрусталева Татьяна).

С утра солнце освещает землю и живущих на этой земле шукшинских героев. Вечером, когда истрачивает свое тепло и энергию, оно садится, чтобы восстановить утраченное, а утром снова вернуться к этим людям, не всегда замечательным, совершающим ошибки, способным проявлять цинизм и жестокость. <...> (Томилина Дарья).

Для меня особенно важно, что сам Шукшин — человек добрый, неглупый, правда, обидчивый (Нассур Саад, студент-сириец)» [26].

Если опустить детали, то придется признать, что в отношении к Шукшину молодых читателей проявляется, как это ни парадоксально звучит, тенденция

антропологизации не только научного, но сегодняшнего общественного сознания.

В основании нашей гипотезы — убежденность в том, что Шукшин дает современному читателю энергию, необходимую для прорыва в будущее, который нельзя осуществить без преодоления отчетливо проявившейся в середине 1990-х установки на «самоистребление» [18], без разрушения «ледяной атмосферы одиночества», выпестованных эпохой постмодернизма [6, с. 50]. Осознание необходимости накопления такой энергии питало мощнейший футурологический поиск русской литературы первых десятилетий прошлого века. Начало литературной футурологии двадцатого столетия было положено И. А. Бунинным в «Деревне» (1910). До кульминационного состояния эта линия литературного поиска была доведена А. Платоновым и М. Шолоховым. А далее на несколько десятилетий по многим причинам художественное время локализовалось в зоне сегодняшних событий, в зоне действия «положительных и отрицательных» героев.

Эта ситуация просуществовала вплоть до 1960-х, когда русская литература получила возможность и осознала необходимость размышлений о «новой ответственности» человека «за природу, бытие, мир, время, перспективы рода» [14, с. 16]. Принять вызов такого уровня, такой сложности смогли традиционалисты. В первую очередь, создатели «деревенской прозы», предложившие художественное исследование прошлого крестьянской России в индивидуально-человеческом изводе. В этом отношении знаковым можно считать «Последний поклон» В. П. Астафьева (1968). Чуть позже по-своему на конфликты, спровоцированные приближением «века кризиса ценностных смыслов» [14, с. 21], отреагировали постмодернисты.

Шукшину по разным причинам предстояло подняться над противоречиями двух художественных систем — литературного традиционализма и постмодернизма [3; 4; 9]. Он пришел тогда, когда созданная под давлением «теории бесконфликтности» официальная иерархия писательских авторитетов и литературных типов если еще не была разрушена окончательно, то уже подверглась серьезной переоценке. Пытался самостоятельно, минуя неистовое «оттепельное» отрицание, определить собственную сверхзадачу, потому рефлексировал по поводу «положительного героя», размышлял о жанре рассказа, о «средствах литературы», о «проблемах языка», наконец, о «воздействии правдой» [28]. Как он сам позже признавался, читал, читал, читал и думал. Пространство интеллектуального и художественного поиска было обозначено в его публицистике. Смысл — в суждениях о пасхальном рассказе Достоевского «Мужик Марей» (1876). И ему удалось освоить онтологически конфликтную эпоху. Именно поэтому значительно отстававшие от литературного процесса критики и литературоведы перед Шукшиным спасовали. Он постоянно «ускользал» от сетей созданных во второй половине XX в. «филологических дефиниций» [15], преодолевал давление литературного контекста.

Сегодняшние модные литераторы многие вопросы, мучившие Шукшина, называют некорректными [10], ибо в большинстве случаев сознательно ориентируются на актуальные техники и не видят нужды в технологической рефлексии, потому что их место на «литературной поляне» (метафора З. Прилепина)

определено критиками и издателями, а успех зависит от точности следования этой предопределенности. С Шукшиным все складывалось иначе. Московская творческая тусовка не могла предложить ему соответствующий его масштабам плацдарм для самореализации. Кроме того, Шукшин не относился к разряду тех, кто с благодарностью занял бы указанную ячейку. Уже в начальный период столичного периода у него было достаточно сил для вступления на путь самосозидания, для установления особых взаимоотношений с окружающей действительностью и людьми. По сути, эти направления творческого поиска и осваивают создатели литературной антропологии.

Наша цель — выявление сущностных и технологических особенностей предложенной Шукшиным персонализации цивилизационного дискурса, получившего в современном коммуникативном пространстве номинацию «русский мир».

Критика за несколько десятилетий убедила себя, авторов школьных учебников по литературе, что доминирующий литературный тип в рассказах Шукшина — «чудики». Чудики обычно интерпретируются как воплощение национального идеала. Но неангажированный современный читатель, с высказываний которого мы начали, привычную для литературоведа номинацию обходит, демонстрируя независимость от литературоведческих контекстов, преодоление активно тиражируемых стереотипов.

Шукшин вызывает интерес неангажированного читателя к человеку как к носителю «внутренних, характерных качеств, свойств», продиктованных определенным пространством и временем [23, с. 920]. Он стремится выявить диапазон этих свойств и качеств, базовых для национального характера и приобретенных в результате социально-исторических перемен, проявляющихся в экстремальных ситуациях и в повседневной жизни, соответствующих ментальному пространству России и выражающих процессы модернизации этого пространства. Шукшин чувствует эпоху глобальных вызовов и пытается обнаружить человеческие возможности для преодоления этих вызовов. Особенности его поиска отражены в названиях ранних рассказов и прижизненных сборников («Сельские жители», 1963; «Земляки», 1970; «Характеры», 1973), на страницах которых оживали не только *чудики, упорные, мастера, но бесконвойные и непротивленцы, хмыри и дебилы, начальники и залетные...* Одно из ключевых направлений исследования характеров фиксировалось литературоведами [24].

Разница между понятиями «действующее лицо» и «характер» была установлена еще Аристотелем: «Действующее лицо будет иметь характер, если <...> в речи или в действии обнаружит какое-либо направление воли, каково бы оно ни было» [1, с. 87]. «Направление воли» характера определил М. М. Бахтин: «Характер устанавливается по отношению к последним ценностям мировоззрения... выражает познавательную-этическую установку человека в мире» [2, с. 201–202]. Представители современных литературоведческих школ уточняют: характеры имеют «общественно значимые черты, проявляющиеся с достаточной отчетливостью в поведении и умонастроении людей» [8, с. 199].

Установка на решение художественной задачи такого типа и уровня предполагает преодоление давления поэтики, движение в зону антропологии. «Антропологический ракурс рассмотрения человека заключается в подходе

к нему как к «уникалии»». Обуславливает внимание к «деянием индивидов» как воплощению «персональных смыслов» и ориентаций по отношению «к поведению других» [13, с. 23]. Шукшин открыто предъявляет соответствующее видение человека в рассказе «Алеша Бесконвойный» в субботних размышлениях «неуправляемого» колхозного скотника и пастуха Кости Валикова: «Вот вы там хотите, чтобы все люди жили одинаково... Да два полена и то сгорают неодинаково, а вы хотите, чтобы люди прожили одинаково!» [30, с. 247].

Шукшин ищет код — систему обозначений для передачи общего в персональных смыслах и ориентациях как основных проявлениях характера. Ориентируясь на литературный опыт М. А. Шолохова, он в первую очередь разрабатывает определенную модель поведения, что после Шолохова трудно считать художественным открытием. Но в процессе моделирования поведения человека Шукшин сосредотачивается не на поступках, даже не на мотивации поступков. Его занимают эмоциональные реакции персонажей на реальность, на окружающих, на происходящее, которые определяются «смыслоразличающими ориентирами» (Л. В. Карасев). Если использовать терминологию основоположника общей психологии С. А. Рубинштейна, Шукшин исследует «тональность чувств», через которые человек видит мир [22, с. 353], от которых зависит возможность стереотипной реакции. Его особенно интересуют степень зависимости человека от ситуации, чудики, способные ситуативные «предписания» игнорировать, преодолевать. Василий Егорович Князев не может «пересилить» себя и вернуться в магазин за «проклятой» пятидесятирублевой («Чудик», 1967). Сергей Духанин во имя радости делает жене «настоящий», «красивый» подарок — покупает сапожки, которые ей и во сне присниться не могли [30, с. 37].

Шукшинская технология художественного исследования характера — в логике и содержании финальной реплики старого профессора, адресованной студенту-заочнику по поводу побега князя Игоря: «Как бежали? Собственно, мне не техника этого дела интересна, а ... психологический момент, что ли. Как чувствовали себя?» [29, с. 47].

Соответствующая этим задачам литературная техника разрабатывалась Шукшиным с начала 1960-х. В одном из ранних рассказов, «Степкина любовь» (1960), кульминационный момент во взаимоотношениях героев представлен так:

«Элочка вдруг резко подняла голову, глянула на Степана зеленовато-чистыми глазами. И стыд, и ласка, и упрек, и одобрение, и что-то еще невыразимо прекрасное, робкое, отчаянное было в ее взгляде. У Степана дрогнуло от радости сердце. Никто бы не смог объяснить, что такое родилось вдруг между ними. Только они двое. Да и то не понимали. *Чувствовали*» [29, с. 55].

Способ кодирования антропологической информации разрабатывался Шукшиным уже при создании характеров первых чудиков. Их установочное концептуальное качество было предъявлено в рассказе «Светлые души» (1961). Сюжет предельно прост. В основании — описание субботнего вечера колхозного шофера Михаила Беспалова, его встречи с молодой женой после почти двухнедельной разлуки. Ничего особенного в этот вечер не происходит: банька, ужин, разговоры о деревенских происшествиях, бытовых проблемах,

неустанная возня с машиной. Но уже в этом рассказе проявляется уникальный шукшинский «способ оформления» (С. Бочаров) характера.

Особое внимание — к чувствам «*светлых душ*», которые питаются неисчерпаемой природной энергией солнечного и лунного света. Их пространство наполнено *теплым воздухом*, мелодиями поздней гармонии, сменяемыми с наступлением глубокой темноты далеким гулом *одинокого трактора*. Упоминание о *душе* в таком контексте — абсолютно шукшинская, может быть, на этом этапе неосознанная отсылка к вполне определенному нравственно-этическому идеалу. *Чистота и тепло* — изначальные характеристики того мира, который принадлежит *светлым душам*, дает возможность им сохраниться.

Напоенные абсолютной гармонией природное время и оберегаемое, создаваемое человеком в соответствии с этим временем пространство, ролевая гармония семейных взаимоотношений питают жизненные силы Михайлы Беспалова. Ключевая характеристика Михайлы принадлежит его жене, которая, как ни старалась, не смогла произнести с иронией, что муж ее — из *трудящегося народа*. С загаенной гордостью Анна признает: «*Ты шибко уж дурной, Миша, до работы*» [29, с. 23].

Труд как смысл жизни — базовая этическая норма многих поколений предков Михаила Беспалова, вот также по вечерам восторженно любовавшихся небом, дышавших вольным воздухом. В жизни Михаила и его жены Анны все *ясно, просто, светло и тихо*, как предназначено высокими законами бытия:

«Стояла удивительная ночь — огромная, светлая, тихая... По небу кое-где плыли легкие, насквозь пронизанные лунным светом облачка.

Вдыхая всей грудью вольный, настоящий на запахе полыни воздух, Михайло сказал негромко:

— Ты гляди, что делается!.. Ночь-то...» [29, с. 23].

Позже все перечисленные эпитеты разрабатываются Шукшиным как художественные концепты. Он неоднократно будет возвращаться к содержанию созерцательного отношения чудиков к природе, к миру. В этом отношении он не увидит проявлений пассивности природы, «страдательности». С. Л. Рубинштейн об этой особенности писал так: «Величие человека, его активность проявляются не только в деянии, но и в созерцании, в умении постичь и правильно отнестись ко Вселенной, к миру, к бытию» [22, с. 343].

В рассказе «Светлые души» зафиксированы основания отношения чудиков к людям — полное отсутствие эгоизма, презрение к практичности, к желанию схитрить, обмануть. Вот *угодить* тем, кто волею случая, судьбы оказывается рядом, как жена Михайлы, служащая на почте, сноха из «Чудика», «светлые души» стремятся. Но не ради выгоды, как признается Василий Егорович Князев, «*ради мира*», подчиняясь основному принципу жизнестояния, основанному на православной этике, зафиксированной в народном наименовании Николая-чудотворца — Николай-угодник (угодник Божий). Позже, при углублении представления об этой особенности чудиков, Шукшин найдет очень точный маркер устремленности русского человека к гармонии во взаимоотношениях с окружающим, далеким и близким, — привычную, но наполненную глубочайшим историко-культурным смыслом речевую формулу согласия — *ладно* [17].

Главное, любимые шукшинские чудики, противореча экзистенциалистам, упрямо демонстрируют отношение к миру как к «объекту, в который человек может проникнуть познанием и переделать действием» [22, с. 341]. Достаточно вспомнить рассказы «Стенька Разин», «Микроскоп», «Даешь сердце!», «Мастер». Чудики из этих рассказов признают в качестве основной миссии человека созидание, созидательное поддержание красоты и добра на этой земле.

Но с разрушением «прочного бытия» (С. Л. Рубинштейн), традиционного уклада жизни галерея чудиков, «странных парней» («Стенька Разин», 1962) разрасталась, усложнялась. Появлялись основания для замечания В. Распутина о том, что «чудик» — «расшатанный и больной характер, интуитивно стремящийся к цельности и здоровью <...>» [21, с. 320]. После размышлений о возможных траекториях развития «стихийного начала в характере естественного человека», представленных Шукшиным в «Суразе» и «Змеином яде», Г. А. Белая заключила: «И чудики могут быть страшными» [3, с. 95–96].

С течением времени неумолимо сокращалось идеальное ядро персонажного ряда чудиков — *ясноглазых сибирячков* («Жена мужа в Париж провожала», 1971), в чьем мироощущении часто совмещаются тоска по гармонии, взволнованность толстовскими «злыми» вопросами и «достоевщина». Стремящиеся к *ясности жизни* чаще всего одарены от природы тем или иным талантом и обостренным до болезненности чувством собственного достоинства, стремлением к справедливости, ради которой они протестуют, бунтуют, выламываются из обыденных ситуаций. И Шукшин, как писал Л. Аннинский в предисловии к «Характерам», искал беса, который способствовал искажению любимого характера. Зона поиска — семья и государство, по Гегелю, основные этические силы. Так появились «придурковатый» Антип («Одни», 1963), фантазирующий Бронька Пупков («Миль пардон, мадам!», 1967), бросающий вызов всему миру Аркаша Кевин («Танцующий Шива», 1969), упорствующий изобретатель вечного двигателя Моня Квасов («Упорный», 1972), в характере которого было много личного, шукшинского...

Параллельно Шукшиным создается не менее широкая и значительная персонажная антитеза также в формате персонажного ряда. *Ясноглазым* противостоят *крепкие мужики* (от городского главного инженера в рассказе «Два письма» до совхозного бригадира в «Крепком мужике»). Они с вдохновением и напором способны выполнять команды на разрушение, используя в собственных интересах главные свои ресурсы — административный и демагогический, применение которого является губительным и для семьи, и для государства.

Галерея *крепких мужиков* создается по той же литературной технологии, используя которую Шукшин работал над характерами чудиков. Персонажный ряд открывается в рассказе «Правда» (1961). Главный герой — председатель колхоза «Пламя коммунизма» Николай Алексеевич Аксенов, автор и исполнитель «огневой речи» на районном собрании партактива, достаточно умело использовал официальную риторику в сугубо манипулятивных целях — для сокрытия реальных проблем в колхозном хозяйстве. При этом он горд был своим умением до разговора с новым директором соседнего совхоза. Но пришлый человек, «чужак», горожанин посеял в Аксенове сомнения в необходимости ловчить, изворачиваться, лицемерить. Спокойствием, уверенностью, искренностью, доверчивостью он разбудил сердце собеседника, заставил его

произнести «*простые, хорошие слова*», а главное — испытать забытое «*такое горячее, участливое уважение к человеку*» [29, с. 31].

Превращение почти чудесное, навевающее воспоминания о похожих превращениях героев В. Овечкина, Г. Троепольского, Е. Дороша. Но с течением времени набирали силу «*нахальные парни*», вроде колхозного счетовода Васьки Семенова («*Степкина любовь*», 1961) [28, с. 51]. Периферия этой персонажной группы — продавщица из рассказа «*Обида*» (1970), «*гордившийся со вкусом*» [29, с. 445] своим материальным достатком свояк Сергей Сергеевич («*Свояк Сергей Сергеевич*», 1969), городской аэропупчик Василия Егоровича Князева («*Чудик*», 1967), Горилла из «*Бори*» (страшная больничная привратница из «*Кляузы*»). Все они воплощают разные варианты бытового и публичного доминирования, поддерживаемого новой иерархией и новым содержанием социальных отношений, на страже которых оказываются осуществляющие надзор над государственной системой прокуратуры. Достаточно вспомнить прокурора — главного обидчика Венки Малышева из рассказа «*Мой зять украл машину дров*» (1971), «*иезуитку*» Малышуху из «*Бессовестных*» (1970).

Дальний ряд *крепких мужиков* — парадно именовавшиеся в советскую эпоху «народной интеллигенцией» — двуличные интеллектуалы и художники (от совхозного счетовода, «борца за справедливость» Синельникова — *средней жирности человека* («*Ноль-ноль целых*») (1971) до известного городского писателя *народника* («*Мастер*», 1969). Особое место в этой группе занимает деревенский демагог Глеб Капустин («*Срезал*», 1970), использующий слово, лишенное смысла, во имя господства над слушателями, своеобразный предшественник Мудреца из сказки-завещания «*До третьих петухов*» (1974).

В малом эпосе эту персонажную пирамиду венчает колхозный бригадир Николай Сергеевич Шурыгин («*Крепкий мужик*», 1969), которого родная мать наградила именем, отражающим его сущностные характеристики — *идол лупоглазый* [29, с. 444].

В словаре В. И. Даля две словарные статьи, в которых закреплены денотативные значения, позволяющие раскодировать материнскую оценку.

«*Идол* — бранное. Истукан, болван [11, с. 8]. *Лупоглазый* (от *лупоглазить*) — разговорно-сниженное. Хлопать глазами, бессмысленно глазеть» [11, с. 274].

Идея уничтожения устоявшей в годы яростной революционной борьбы с религией церкви пришла в голову истукану Шурыгину *вдруг*, когда «почувствовал себя важным деятелем с неограниченными полномочиями», позволяющими ему войти в историю, запомниться односельчанам на десятилетия, а то и «*большим человеком стать*» [29, с. 444]. *Весело, неистово* Шурыгин, как будто *дьявол зудил руку* [29, с. 444], не понимая, а потому и не предполагая сопротивления оторопевших от происходящего односельчан, завершает дело Васьки Духанина, *своротившего* в революционном угаре с этой самой церкви крест когда-то давно, в далеком шурыгинском детстве [29, с. 443]. Бездушный, бессердечный *идол лупоглазый*, разрушая церковь, в терминах философской антропологии совершает «самопроявительный акт». И опять для Шукшина важна не столько «мотивационная канва» [13, с. 18] содеянного, сколько реакция Шурыгина на ненависть и проклятия односельчан, которые молятся

в церковь не ходили, вроде бы и вовсе ее не замечали после превращения в колхозный склад. Не понять ни ему, ни, наверное, равнодушному к происходящему в деревне приезжему председателю слов *хворой матери бригадира*: «Да, бывало, откуда не идишь, а ее уже видишь. И как ни пристанешь, а увидишь ее — вроде уж и дома. Она сил прибавляла» [19, с. 444]. Эта деталь важна, потому что так проявляется элемент характера чудиков, которого напрочь лишены *идолы лупоглазые*, — сохранение в подсознании ключевых символов исторического российского пространства. Н. А. Некрасов в «Тишине» (1859), созданной по окончании Крымской войны, выделил именно этот «смыслоразличающий ориентир»:

<...> Я узнаю
Суровость рек, всегда готовых
С грозой выдержать войну,
И ровный шум лесов сосновых,
И деревенок тишину,
И нив широкие размеры...
Храм божий на горе мелькнул... [19, с. 179].

В способности увидеть мелькнувший силуэт храма выражается «причастность к вечному, к абсолютной реальности» [12, с. 13], которую сохраняют чудики, переживающие не только собственные впечатления, но и родовой жизненный опыт. Чудики этими переживаниями живут, *идолы лупоглазые* сознательно любой повод для аналогичной рефлексии подавляют, к серьезной аналитической интерпретации проблемной ситуации не способны. Они не выдерживают ни испытания властью, ни материального искушения. Чувства, которые способны испытывать *крепкие мужики*, примитивны. Диапазон этих чувств предельно ограничен. Главное для них — осознание своего превосходства над другими людьми, собственной силы и власти. Во взаимоотношениях с окружающими максимум, к чему они могут стремиться, формальная коммуникативная поддержка начальников:

«Шурыгин вышел во двор, завел мотоцикл... До района восемнадцать километров, там магазин, там председатель колхоза. Можно выпить, поговорить. Кстати рассказать, какой ему тут скандал устроили... Хоть посмеяться» [29, с. 445].

Шурыгин, в отличие от бесконечно стремящихся к ладу чудиков, — носитель конфликтного сознания. В финальной сцене эта особенность его характера подчеркивается в возвращении к любимому шукинскому художественному концепту — к *свету*. Мы выше вспоминали свет теплый, природный, разлитый по всему жизненному пространству «светлых душ», обеспечивающий ощущение жизненной гармонии. Свет, открывающий путь к социальному успеху, к социальному доминированию *крепкому мужику*, принципиально иной: «Мотоцикл вырулил из деревни, воткнул в ночь сверкающее лезвие света и помчался по накатанной ровной дороге в сторону райцентра. Шурыгин уважал быструю езду» [29, с. 445]. Узкая полоска искусственного света ведет Шурыгина в направлении административного центра, где ему подобные часто находили поддержку и понимание. Односельчане его проклинают.

Очевидное конфликтное сосуществование чудиков и крепких мужиков — первый показатель обнаруженного Шукшиным антропологического хаоса. И в поздних рассказах он упорно ищет приметы будущего. Представление Шукшина о будущем связано с третьим персонажным рядом — молодежным, детским. Он, как и первые два, формировался с начала 60-х, только эволюционировал иначе. Открывали этот ряд характеры, в которых проявлялось влияние новой, городской аксиологии.

Наиболее трагичный вариант этого влияния — в образе молодого парня со «стылым взглядом» из рассказа «Охота жить» (1966) [29, с. 222]. Жизнь для широкоплечего, статного, сильного Коли — привычные наслаждения. Он сосредоточен на одном стремлении — *красиво* жить. Уверенно перечисляет символы *красивой жизни*, ради которой легко убивает спасшего его старика: «хорошие сигареты, шампанское, женщины» [29, с. 229]. Поклонником упрощенного варианта такой философии под влиянием городской жены становится деревенский богатырь Игнаха («Игнаха приехал», 1962). Шукшин пытается противопоставить таким героям образы молодых людей, одаренных высоким талантом («Стенька Разин», 1960), чувством прекрасного («Солнце, старик и девушка», 1960), пониманием своего профессионального долга («Страдания молодого Ваганова», 1972). Он словно заставляет себя увидеть молодых глазами умудренного огромным не только жизненным, но и литературным опытом профессора-филолога, угадавшего в студенте-заочнике бывшего фронтовика. Профессор увидел и внешнее сходство своего студента с автором «Слова о полку Игореве», который наверняка был «молодым-молодым ... юношей с голубыми глазами». Заметил в молодом человеке способность усваивать «русские штучки» («Экзамен», 1960) [29, с. 44].

С течением времени в «молодежном» персонажном ряду начинают доминировать мальчишки-подростки. Шукшин однажды даже объясняет это доминирование: «Но упаси бог подлаживаться сейчас под Сидорова». «У Сидорова сынишка есть, у сынишки, глядь, свой сынишка, а тот — будущий Курчатов или Суриков. Вот для них и надо делать, писать, играть, петь» [27, с. 34].

Дети открыты будущему, которое символизируют для них «большие дома, самолет, лампочка». Самолет — «большой, легкий, красивый... Двукрылый красавец из далекой-далекой сказки» (Из детских лет Ивана Попова, 1968) [29, с. 368]. Обеспечивающее прорыв в будущее тяготение мальчишек к небесной сфере вполне естественно для традиционной культуры. Во внешнем облике, в поведении, в пристрастиях и привязанностях шукшинских мальчишек — теплое, родственное чувство к бабушкам и дедушкам, к матерям, мечты о будущем, влюбленность в теплые, добрые, светлые сказки. Бабушкины «*маленькие умные*» глаза у внука старой Маланьи Шурки («Сельские жители», 1961). Материнское жалостливое сердце наследует тринадцатилетний Витька, забытый пьющим отцом («Племянник главбуха», 1961). Горячо стремится услышать *серьезную* песню деда Петька («Демагоги», 1961). Старики, в свою очередь, с недоверием и «*любопытством*» приглядываются к упорным в учении мальчишкам, знания которых об окружающем мире находятся далеко за пределами их личного опыта («Космос, нервная система и шмат сала», 1966), личным опытом уже не исчерпываются, не ограничиваются. Именно в этом Шукшин видит силу молодых.

И для писателя принципиально важной становится возможность диалога между стариками и мальчишками, родителями и детьми: идеального — в «Демагогах», в рассказе о том, «Как зайка летал на воздушных шариках»; направленного на преодоление возрастных, поколенческих, аксиологических противоречий — в рассказах «Космос, нервная система и шмат сала», «Дядя Ермолай».

Подводя итоги, можно сказать, что один из главных вопросов Шукшина был достаточно четко сформулирован стариком-профессором из рассказа «Экзамен»: «Куда все это устремляется?». В обнаруженном им антропологическом хаосе переходной эпохи писатель искал приметы будущего. Он видел ослабление «родовой связи личности с миром» (Г. Белая), разрушение механизма передачи родовой памяти (А. Щипков). Но в каждом из персонажных рядов он находил символические характеры-притчи (Г. Белая), хранящие «глубинную премудрость» (С. С. Аверинцев), возможности для восстановления целостности человека: идеальные (*чудики и мастера*), критические (*крепкие мужики и начальники*), практические (*молодые люди*). Футурологическая идея Шукшина базировалась на признании необходимости общенационального диалога, которую демонстрировали стремившиеся наладить диалог с городскими чудики, иногда, как в «Дяде Ермолае», осознавали *молодые*, но чаще всего настойчиво декларировал повествователь.

Трехъярусное устройство созданной Шукшиным системы характеров воспринимается сегодня как сигнал, информирующий читателя о состоянии и перспективах человека на излете XX в. Шукшин упорно, подобно Моне Квасову, выявляет основные модусы существования человека накануне глобальных, решающих перемен. Реакции чудиков, крепких мужиков, мальчишек на происходящее с ними самими, на события, в которые они в той или иной степени вовлечены, исчерпывающе многообразны. Демонстрирующие неистребимые связи с национальной культурой, историей, с природой, неустанную рефлексию самопознания, способность разрушать стереотипные ситуации чудики; пафосно самонадеянные, руководствующиеся исключительно собственными интересами во взаимоотношениях с обществом, но все-таки пока ощущающие собственную отторженность от окружающих крепкие мужики, горячо устремленные в освященное научным знанием будущее молодые — все эти характеры у Шукшина представлены не в парадигматических, а в синтагматических связях. Он сосредоточен на поиске сходства, а не разницы между ними. Для Шукшина это одно целое, раздираемый противоречиями и в то же время устремленный в будущее национальный характер, зафиксированный с применением уникальной литературной техники, позволивший исследовать всю сложность представлений человека XX в. о мире, об окружающих его людях, о самом себе.

Сегодня серьезного исследования требует шукшинский пафос декодирования национального характера, который с наибольшей точностью определил В. Г. Распутин в высказывании о творческой индивидуальности Шукшина:

«Если бы потребовалось явить портрет россиянина по духу и лику для какого-то освидетельствования на всемирном сходе, где только по одному че-

ловеку решили судить о характере народа, сколь многие сошлись бы, что таким человеком должен быть он — Шукшин» [7, с. 5].

В заключении В. Распутина представлен основной объект исследования в шукшинском творчестве — *россиянин по духу*. Как показал наш материал, для Шукшина это человек, находящийся в особой зависимости от мира природы, устремленный к бесконфликтному диалогу с окружающими; человек, в основании аксиологических представлений которого — отношение к созидательному труду как к единственной форме существования. Это характер создателя цивилизации, в основе которой русская культура. Шукшинская картина российской цивилизации, предельно честная, детальная, сегодня входит «в ресурс регенерации национального и художественного самосознания» [20, с. 2], обеспечивает надежду на будущее.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аристотель*. Об искусстве поэзии. М.: ГИХЛ, 1957. 182 с.
2. *Бахтин М. М.* Эпос и роман (О методологии исследования романа). СПб.: Азбука, 2000. 305 с.
3. *Белая Г. А.* Художественный мир современной прозы. М.: Наука, 1983. 192 с.
4. *Богданова О. В., Цветова Н. С.* «Эпох скрещенье...» Русская проза 1960-х — 2020-х годов. СПб.: Алетейя, 2023. 374 с.
5. *Большев А. О.* Василий Шукшин в контексте постмодернизма // *Новый журнал*. 1999. № 3. С. 140–149.
6. *Бубер М. Я и Ты*. М.: Высшая школа, 1993. 173 с.
7. *Варламов А.* Шукшин. М.: Молодая гвардия, 2015. 400 с.
8. *Введение в литературоведение / под ред. Л. В. Чернец*. М.: Высшая школа, 2004. 680 с.
9. *Глушаков П. С.* Шукшин и другие: статьи, материалы, комментарии. СПб., Ростов, 2018. 320 с.
10. *Гордович К. Д.* Русская проза конца 20 — начала XX в. СПб.: Petronius, 2017. 230 с.
11. *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 2. М.: ГИИНС, 1955. 780 с.
12. *Знаков В. В.* Психология понимания правды. СПб.: Алетейя, 1999. 279 с.
13. *Ильин В. В.* Философская антропология. М.: КДУ, 2006. 232 с.
14. *Ильин В. В., Панарин А. С., Бадковский Д. В.* Политическая антропология. М.: изд-во МГУ, 1995. 254 с.
15. *Котельников В.* Ускользающий Шукшин // *Знамя*. 2019. № 6. С. 27–34.
16. *Куляпин А. И.* Сон разума: экзистенциальные мотивы в рассказе Шукшина «Думы» // *Имагология и компаративистика*. 2022. № 17. С. 316–317.
17. *Лопачева М. К., Цветова Н. С.* Малая проза В.Шукшина: к проблеме типологии персонажей // *Вестник РХГА*. 2023. Т. 25. Вып. 3 (2). С. 237–243.
18. *Максимов В.* Самоистребление. М.: Голос, 1995. 352 с.
19. *Некрасов А. Н.* Полное собрание стихотворений: в 2 т. Т. 1. СПб.: Типография Суворина, 1895. 608 с.

20. Плеханова И. И. По-простому... Ульяновск: из-во Ульяновского техн. ун-та, 2024. 310 с.
21. Распутин В. В поисках берега. Повесть, очерки, статьи, выступления, эссе. Иркутск: Издатель Сапронов, 2007. 527 с.
22. Рубинштейн С. Л. Проблемы общей психологии. М.: Педагогика, 1973. 416 с.
23. Современный толковый словарь русского языка / автор идеи и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2006. 960 с.
24. Сухих И. Душа болит («Характеры» В. Шукшина, 1973). [Электронный ресурс] URL /<https://zotyich7.livejournal.com/258243.html?ysclid=lqsboi8icy969785796> (дата обращения: 30.12.2023).
25. Цветова Н. С. Василий Шукшин — актуальный классик? // Филологический класс. 2020. Т. 25. № 1. С. 214–219.
26. Черная Л. А. Антропологический код древнерусской литературы. М.: Языки славянских культур, 2008. 463 с.
27. Шукшин В. Вопросы самому себе // Шукшин В. Нравственность есть Правда. М.: Сов. пис., 1979. С. 23–40.
28. Шукшин В. Нравственность есть Правда. М.: Советский писатель, 1979. 352 с.
29. Шукшин В. М. Собр. соч.: в 5 т. Т. 1. М.: PANPRINT PUBLISHERS, 1996. 532 с.
30. Шукшин В. М. Собр. соч.: в 5 т. Т. 2. М.: PANPRINT PUBLISHERS, 1996. 556 с.

REFERENCES

1. Aristotel'. *Ob iskusstve poe`zii* [About the art of poetry]. Moscow, GIXLPubl., 1957, 182 s. (in Russian).
2. Baxtin, M. M. *E`pos i roman* (O metodologii issledovaniya romana) [Epic and novel (About the research methodology of the novel)]. Saint Petersburg, Azbuka Publ., 2000, 305 s. (in Russian).
3. Belaya, G. A. *Xudozhestvenny`j mir sovremennoj prozy`* [The artistic world of modern prose]. Moscow, Nauka Publ., 1983, 192 s. (in Russian).
4. Bogdanova, O. V., Tsvetova, N. S. "The crossing of epochs..." *Russian prose of the 1960s — 2020s*. Saint Petersburg, Aleteya, 2023, 374 p. (in Russian).
5. Bolshev, A. O. Vasilij Shukshin v kontekste postmodernizma [Vasily Shukshin in the context of postmodernism]. In: *Novy`j zhurnal*, 1999, no. 3, pp. 140–149 (in Russian).
6. Buber, M. *Ya i Ty`* [Me and You]. Moscow, Vy`sshaya shkola Publ., 1993, 173 s. (in Russian).
7. Varlamov, A. *Shukshin* [Shukshin]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 2015, 400 s. (in Russian).
8. *Vvedenie v literaturovedenie* [Introduction to Literary Criticism]. Pod red. L. V. Chernecz. Moscow, Vy`sshaya shkola Publ., 2004, 680 s. (in Russian).
9. Glushakov, P. S. *Shukshin i drugie: stat`i, materialy, kommentarii* [Shukshin and others. Articles, materials, comments]. Saint Petersburg, Rostok Publ., 2018, 320 s. (in Russian).
10. Gordovich, K. D. *Russkaya proza konca 20 — nachala XX v.* [Russian prose of the late twentieth and early twentieth centuries]. Saint Petersburg, Petronius Publ., 2017, 230 s. (in Russian).
11. Dal`, V. *Tolkovy`j slovar` zhivogo velikoruskogo yazy`ka: v 4 v. V. 2* [Explanatory dictionary of the living Great Russian language. In 4 vol. Vol. 2]. Moscow, GIINS Publ., 1955, 780 s. (in Russian).

12. Znakov, V. V. *Psixologiya ponimaniya pravdy* [The Psychology of Understanding the Truth]. Saint Petersburg, Aletejya Publ., 1999, 279 s. (in Russian).

13. Ilyin, V. V. *Filosofskaya antropologiya* [The Psychology of Understanding the Truth]. Moskow, KDU Publ., 2006, 232 s. (in Russian).

14. Ilyin, V. V., Panarin A. S., Badovskij D. V. *Politicheskaya antropologiya* [Political Anthropology]. Moskow, MGUPubl., 1995, 254 s. (in Russian).

15. Kotelnikov, V. Uskol' zayushhij Shukshin [The Elusive Shukshin]. In: *Znamya*, 2019, no. 6, pp. 27–34 (in Russian).

16. Kulyapin, A. I. Son razuma: e'kzistencial'ny'e motivy' v rasskaze Shukshina "Dumy" [The Dream of Reason: Existential Motives in Shukshin's short story "Thoughts"]. In: *Imagologiya i komparativistika*, 2022, no. 17, pp. 316–317 (in Russian).

17. Lopacheva, M. K., Czvetova N. S. Malaya proza V. Shukshina: k probleme tipologii personazhej [Shukshin's Small Prose: towards the Problem of Character Typology]. In: *Vestnik Russkoi khristianskoi gumanitarnoi akademii*, 2023, T. 25, V. 3 (2), pp. 237–243 (in Russian).

18. Maksimov, V. *Samoistreblenie* [Self-destruction]. Moskow, Golos Publ., 1995, 352 s. (in Russian).

19. Nekrasov, N. A. *Polnoe sobranie stixotvorenij: v 2 t. T. 1* [The Complete Works. In 2 vol. Vol. 1]. Saint Petersburg, Tipografiya Suvorina, 1895, 608 s. (in Russian).

20. Plexanova, I. I. *Po-prostomu...* [In a simple way...]. Ulyanovsk: Ul'yanovskogo texn. Un-ta Publ., 2024, 310 s. (in Russian).

21. Rasputin, V. V. *Poiskax berega. Povest', ocherki, stat'i, vy'stupleniya, e'sse* [In search of the shore]. Irkutsk, Izdatel' Sapronov Publ., 2007, 527 s. (in Russian).

22. Rubinshtejn, S. A. *Problemy obshhej psixologii* [Problems of general psychology]. Moskow, Pedagogika Pub., 1973, 416 s. (in Russian).

23. *Sovremennyy tolkovyj slovar' russkogo yazyka* [Modern explanatory dictionary of the Russian language]. Avtor idei i gl. redaktor S. A. Kuznecov. Saint Petersburg, Norint Publ., 2006, 960 s. (in Russian).

24. Suhih, I. *Dusha bolit ("Xaraktery" V. Shukshina)* [My Soul Hurts (Shukshin's "Characters")]. [Electronic resource] URL <https://zotyach7.livejournal.com/258243.html?ysclid=lqsboi8icy969785796> (accessed: 30.12.2023) (in Russian).

25. Czvetova, N. S. Vasilij Shukshin — aktual'ny'j klassik? [Is Vasily Shukshin a current classic?]. In: *Filologicheskij klass*, 2020, T. 25, no. 1, pp. 214–219 (in Russian).

26. Chernaya, L. A. *Antropologicheskij kod drevnerusskoj literatury* [The anthropological code of Ancient Russian literature]. Moskow, Yazyki slavyanskix kul'tur Publ., 2008, 463 s. (in Russian).

27. Shukshin, V. Voprosy samomu sebe [Questions to myself]. In: Shukshin V. *Nravstvennost' est' Pravda*. Moskow, Sovetskij pisatel' Publ., 1979, pp. 23–40 (in Russian).

28. Shukshin, V. *Nravstvennost' est' Pravda* [Morality is Truth]. Moskow, Sovetskij pisatel' Publ., 1979, 352 s.

29. Shukshin, V. M. *Sobr. Soch.* [Collected works]: v 5 t. T. 1. Moskow, PANPRINT PUBLISHERS Publ., 1996, 532 s. (in Russian).

30. Shukshin, V. M. *Sobr. Soch.* [Collected works]: v 5 t. T. 2. Moskow, PANPRINT PUBLISHERS Publ., 1996, 556 s. (in Russian).